

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 3-го Апрѣля 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10258.

М. В. Родзянко.

Новый предсѣдатель Государственной Думы.

ЮБИЛЕЙ.

1.

Членъ городской управы Федоръ Иль-ичъ Карпушинъ тяжело поднимался по лѣстницѣ въ свой кабинетъ, находившійся въ третьемъ этажѣ.

Большеголовый, мясистый, съ круглымъ, тупымъ подбородкомъ, сѣдыми усами, скрывающими губы, и маленькими заплывшими глазками, Карпушинъ страдалъ одышкой и теперь проклиналъ неурочную вечернюю работу—поручили ему составить адресъ секретарю Михаилу Панкратьевичу Катунову, который прослужилъ городу тридцать пять лѣтъ и недавно, по старости, оставилъ службу.

Войдя въ кабинетъ, Карпушинъ зажегъ электричество и приказалъ подать себѣ чаю. Просмотрѣлъ протоколъ наканунѣ заѣдавшей санитарной комиссіи, подписался и принялъся за составленіе адреса.

„Многоуважаемый Михаилъ Панкратьевичъ!“—написалъ Карпушинъ и тотчасъ остановился, откинулся на спинку кресла и вытянулъ подъ столомъ свои старые тяжелыя ноги.

— Нашли стилиста, пробурчалъ онъ, — чортъ бы ихъ дралъ! Возись теперь съ этой штучкой. Къ десяти обѣщаешь быть въ клубѣ. Ну, „многоуважаемый“, а дальше? Развѣ такъ—„тридцать пять лѣтъ мы всѣ имѣли счастье“... Нѣтъ, какой-то тяжелый оборотъ! Какое счастье имѣли? Имѣть вашу работу? видѣть вашу фигуру? „Имѣли счастье имѣть вашу работу“... совсѣмъ паршиво. Нѣтъ, лучше такъ: „тридцать

пять лѣтъ тому назадъ вы вошли въ этотъ домъ, сѣли за столъ и съ той минуты каждый день входили въ этотъ домъ и садились за столъ, и всегда работали... усердно, прилежно, внимательно и энергично“. Великолѣпно! Такъ и начну.

Карпушинъ заскрипѣлъ перомъ, но черезъ нѣсколько минутъ снова остановился, выпилъ чаю, погрызъ сухарикъ. На лицѣ его было выраженіе досады и напряженности.

Адресъ подвигался впередъ очень туго. Старинные часы въ углу пробили десять.

— Ждутъ, ждутъ, тоскливо подумалъ Карпушинъ и съ отчаяніемъ началъ строчить дальше и дальше, припоминая кое-какія выраженія изъ адреса, поднесенного въ прошломъ году бухгалтеру. Послѣднія слова: „Да сохранить васъ Богъ на многіе годы“— Карпушинъ написалъ почти съ радостью, шумно вздохнулъ, спустился внизъ и отправился въ клубъ.

Михаиль Панкратьевичъ Катуновъ сидѣлъ въ своей маленькой столовой у стола и пилъ чай. Онъ былъ уже совсѣмъ старъ. Лысина во всю голову, и только у висковъ и на затылкѣ, кружочкомъ, сохранились какіе-то рыжеватые клочки волосъ. Лицо у него было красное, одутловатое, съ небольшими свѣтлыми глазами. Они смотрѣли ласково и немного растерянно.

И. К. Григоровичъ.

Вице-адмиралъ, новый морской министръ.

Здоровье Михаила Панкратьевича за послѣднее время значительно разстроилось, ослабѣли ноги и глаза, болѣла спина, но все-таки службу онъ долго не хотѣлъ оставлять и даже не представлялъ себѣ, какъ это можетъ случиться. Настояла на этомъ жена Катунова, Агафья Петровна.

— Поработать, говорила она, и отдохни. Поживи въ свое удовольствіе. Слава Богу, тридцать пять лѣтъ! Подумать жутко.

— Конечно, конечно, соглашался Михаиль Панкратьевичъ: только ужъ очень я привыкъ. Странно, что встѣ

Н. В. Тесленко.

Новый членъ Государственной Думы отъ Москвы, избранный на мѣсто Ф. А. Головина.

буду дома сидѣть. А тамъ идетъ работа. Передняя... лѣсенка... мой кабинетъ, бумагъ-то сколько! Кажется, всегда буду о нихъ беспокоиться.

— Пустяки, это по началу трудно. Лѣтомъ вотъ на Кавказъ поѣдемъ, водички попьешь, будешь ванны брать, окрѣпнешь, поживемъ мѣсяца два, спѣшить некуда.

— Водичка, ванны, это хорошо, согласился Михаиль Панкратьевичъ и тихо улыбался.—Это хорошо. Давно мы съ тобой, старуха, на Кавказѣ не были.

— Пенсію дадутъ тебѣ хорошую, продолжала Агафья Петровна. Думаю, не меньше жалованья. Какъ тылагаешь?

— Можетъ быть, можетъ быть. Что жъ, меня любили. Работалъ на совѣсть.

— Рублей двѣsti?

— Пожалуй, и двѣsti.

Подъ вліяніемъ такихъ разговоровъ Катуновъ и оставилъ службу. Впрочемъ, это не сразу опечалило его, потому что почти ежедневно онъ отправлялся въ управу для руководства на первое время своего замѣстителя, еще молодого человѣка Федоркова.

Гихо въ квартирѣ Катунова. Ви-сячая лампа проливаетъ на столъ мягкий свѣтъ. Агафья Петровна сидѣтъ напротивъ мужа у самовара. Она въ своей черной косыночкѣ. Лицо сморщенное, какъ старое яблочко, носъ острый, губы присохли и собрались въ комочекъ.

Старуха, напротивъ, все это время чувствуетъ себя особенно бодрой. Дѣ-

тей у нея не было, а къ мужу она всегда питала какую-то особенно нѣжную любовь. Было въ этомъ чувствѣ даже что-то материнское, покровительственное. И вотъ теперь ей казалось, что ея Михаиль Панкратьевичъ все-цѣло уже принадлежитъ ей. Теперь онъ совсѣмъ домашній, свой. Много лѣтъ она проводила въ одиночествѣ, такъ какъ у Катунова бывали и вечернія занятія, а теперь онъ всегда будетъ съ ней, и была въ этой мысли большая для нея радость и удовлетвореніе.

Съ особеннымъ вниманіемъ она занималась хозяйствомъ и почему-то старалась втянуть и Михаила Панкратьевича во всѣ детали своихъ занятій, совѣтовалась съ нимъ и часто задавала вопросы, какихъ раньше и не бывало.

На дняхъ, напримѣръ, принесла къ нему въ кабинетъ цѣлый ворохъ своихъ теплыхъ кофточекъ и совѣтовалась, что поправить и что подарить Феклушѣ.

Михаиль Панкратьевичъ даже растерялся, перебиралъ руками все это старье и, въ концѣ концовъ, посовѣтовалъ женѣ сшить новую коричневую блузку.

Агафья Петровна было очень сладко услышать такой совѣтъ, и рѣшила она сшить блузку, и не премѣнно коричневую.

Вообще она старалась теперь, чтобы все въ квартирѣ у нихъ было особенно благолѣпно и хорошо. Вставала рано и сама приготавляла чай и завтракъ (Михаиль Панкратьевичъ любилъ ветчину и зеленый сыръ, растертый съ масломъ), затѣмъ спѣшила, какъ Феклуша убирала комнаты, и послѣ завтрака спѣшила на кухню. Вечеромъ же въ комнатахъ становилось еще уютнѣе. Агафья Петровна зажигала лампадки у образовъ, и какъ-то приятно пахло всюду деревяннымъ масломъ, и это такъ гармонировало съ самими хозяевами и старой тяжелой мебелью, наполнившей ихъ комнаты.

Сегодня Михаиль Панкратьевичъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Чрезъ два дня его ожидало чествованіе, и это сильно волновало старика.

Хлебнувъ горячаго чаю и почмакавъ кусочекъ сахару (онъ всегда пилъ въ прикуску), онъ ласково взглянулъ на жену и сказалъ тихо:

— Послѣ завтра, Агафьюшка, будь дугъ меня чествовать...

— Ну и хорошо, и хорошо.

— Хотѣли было ужинъ устроить, да я отказался. Зачѣмъ? Миѣ это тяжело.

— Правильно, голубчикъ. И такъ устанешь.

— Почестуютъ и конецъ. Федорковъ уже наладился... Значить, въ управу только придется ходить, что за жалованье.

Въ этихъ словахъ, казалось, и заключалась самая загаденная и беспокойная мысль Михаила Панкратьевича. Онъ уставился на жену, словно ожидая ея совѣта.

— И слава Богу, сказала она. Иной за всю свою жизнь и сотой доли твоей работы не сдѣлаетъ. Тебѣ прямо ордиться можно.

И было замѣтно въ этотъ моментъ,

Д. А. Хвольсонъ.

Старѣйший русскій профессоръ. Скончался 23 марта въ Петербургѣ 93 лѣтъ.

Царицынскій Свято-Духовскій монастырь.

На мѣстѣ монастыря до появленія въ немъ іеромон. Иліодора была маленькая церковь при архіерейскомъ подворьѣ на 50 человѣкъ, съ квартирой при церкви для двухъ монаховъ. Она была на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается низкій круглый куполь. Съ прибытиемъ въ монастырь въ 1903 г. іеромон. Иліодора здѣсь была быстро выстроена церковь на 7 тысячъ человѣкъ, а по сторонамъ возведены огромные каменные корпуса.

что Агафья Петровна этой работой и гордится, и чествованіемъ гордится.

— Налить тебѣ еще стаканчикъ?

— Налей.

— Что жъ ты сыръ не кушаешь?

— Не хочется.

Агафья Петровна налила чаю и за- семенила въ спальню посмотретьъ, все ли сдѣлала Феклуша.

Здѣсь еще больше пахло старинкой и деревяннымъ масломъ. Горѣла лампада у образовъ, и лики святыхъ смотрѣли ласково, а ризы блестѣли. Кровати были постланы, и старуха собственноручно еще разъ потолкала кулачками и взбила большія подушки Михаила Панкратьевича.

2.

Въ воскресенье въ бывшемъ кабинетѣ Катунова собрались его старые сослуживцы. Стояли они вѣдь какъ-то навытяжку, и лица у нихъ были серьезны.

Скоро пришелъ съ адресомъ въ рукахъ большеголовый и мясистый Карпушинъ, а за нимъ и городской голова, толстый и внушительный, съ громадной сѣдой бородой, которая закрывала половину его накрахмаленной манишки.

Нѣсколько минутъ тянулось молчаливое ожиданіе; наконецъ, вошелъ въ комнату и самъ Михаиль Панкратьевичъ (до того онъ сидѣлъ въ комнатѣ головы). Отъ волненія онъ согнулся еще больше, и комично съежился его сюртукъ. Глазки его беспокойно бѣгали, часто и растерянно кланялся онъ на обѣ стороны. Сначала Катуновъ остановился посреди комнаты, потомъ неожиданно бросился къ своему столу, оперся на него и застылъ съ склоненной головой.

Карпушинъ густо крякнулъ, вышелъ впередъ и началъ читать:

— Тридцать пять лѣтъ тому назадъ вы вошли въ этотъ домъ, сѣли за столъ и съ той минуты каждый день входили въ этотъ домъ и садились за столъ...

Читалъ онъ громко, внушительно и, видимо, былъ доволенъ собой.

Затѣмъ сказалъ привѣтственное слово голова, ковыряя при этомъ пальцами въ бородѣ; онъ поднесъ юбиляру золотые часы.

Послѣдній адресъ прочиталъ старичекъ-сослуживецъ Катунова и поднесъ отъ служащихъ серебряный чайный приборъ. Служителя же поднесли икону.

Михаиль Панкратьевичъ почти все время стоялъ, не подымая головы. Иногда только взглядавъ на говорившихъ и тотчасъ смущенно отводилъ глаза въ сторону.

Обѣятія, поцѣлуи и подарки окончательно смущили Михаила Панкратьевича, и когда чествованіе закончилось и ему надо было сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ, онъ рѣшительно не могъ овладѣть собой.

Выступилъ впередъ, для чего-то поднявъ правую руку и снова опустилъ. Потомъ усиленно заморгалъ глазами:

— Я... вы понимаете... мое сердце... Господь... благодарить... Ничего нельзя было разобрать. Наконецъ, и это бормотанье обервалось, и Михаиль Панкратьевичъ заплакалъ, уронивъ обѣ руки на столъ съ подарками и адресами.

Карпушинъ бросился къ нему, обнявъ:

— Успокойтесь, дорогой Михаиль Панкратьевичъ! Ну полно... Мы всѣ васъ понимаемъ, безъ словъ понимаемъ, безъ словъ понимаемъ... Даивамъ Богъ...

Агафья Петровна, проводивъ мужа, все ходила на цыпочкахъ, ожидая его возвращенія, прислушивалась къ звонку.

Утромъ въ квартирѣ былъ отслуженъ молебень, и теперь немного пахло ладаномъ. Столъ къ обѣду былъ уже накрытъ, и Феклуша, разодѣтая, какъ въ праздникъ, бѣгала по комнатамъ, поминутно спускалась въ кухню, словомъ, проявляла необычайную для нея озабоченность.

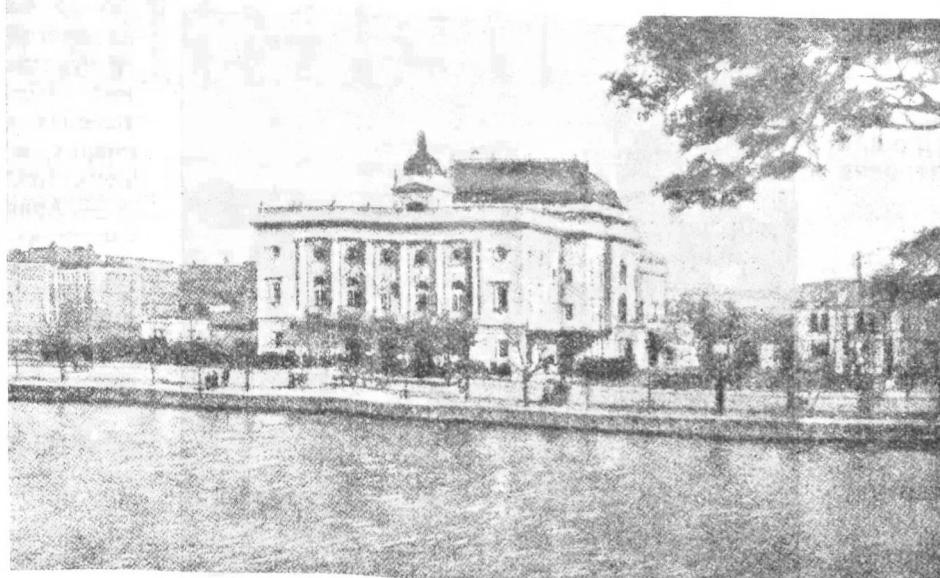
Пріодѣлась и сама Агафья Петровна. На ней была коричневая новая блузка, на головѣ черная кружевная наколка.

Въ три часа пріѣхалъ Михаиль Панкратьевичъ съ своими подарками. Онъ какъ-то растерянно улыбался, попросилъ валеріановыхъ капель и отпра-

Opoе Baiko.

Первый артистъ на женскія роли.

Новый императорский театръ въ Токіо.

Ichikava-Komozo.

Первый артистъ на мужскія роли.

Первые ученицы женской консерватории въ Токіо, допущенные къ появлению на сценѣ.

ился къ себѣ въ спальню. Агафья Петровна сама помогла ему переодѣться, сунула на него зеленый старинный халатикъ и провела въ столовую. Она сгорала отъ любопытства, но сдерживала себя и не задавала мужу вопросъ, чтобы дать ему ускользнуть. Только подарки пѣла она разсмотрѣть иелькомъ заглянула въ адъса. При этомъ сразу рѣшила, что серебряный припѣтъ надо будетъ поставить въ стеклянный шкафъ, въ которомъ находились всякия фишки и шкатулочки, а адъса положить въ залъ на олѣй, рядомъ съ альбомами. Переодѣвшись, Михаилъ Панкратьевичъ рассказалъ ей все, какъ было и, припоминая подробности, волновался, подправляя клочки волосиковъ на вискахъ и умолялъ.

— Можно давать обѣдъ? спросила южавшая Феклуша, останавливаясь на ступицахъ любопытный взглядъ.

— Давай, сказалъ Михаилъ Панкратьевичъ и поднялся. Въ это время Агафья Петровна, молчаливо слушавшая его разсказъ, вдругъ подбѣжала къ нему, прижалась къ груди, заборотила какія-то ласковыя слова и зашакала.

Отъ волненія Михаилъ Панкратьевичъ и самъ не могъ ничего сказать. Онъ обнялъ старуху и ласково гладилъ рукой ея сѣдую голову съ южавшей на бокъ кружевной наложкой.

3.

Прошло недѣли двѣ. Михаилъ Панкратьевичъ замѣтно тосковалъ, хотя старался скрыть отъ жены.

По утрамъ онъ даже раздражался и скрикивалъ на Феклушки, а Агафья Петровна рѣшительно не могла помѣтить этого раздраженія, такъ какъ все время только о томъ и думала, чѣмъ бы угодить старику.

Утромъ въ пятницу Катуновъ поднялся раньше обычного, напился

чайю и сказалъ своей старухѣ, что пойдетъ немного прогуляться, очень ужъ хорошая погода.

День, действительно, былъ очень хороший. Наканунѣ выпавшій снѣгъ скрѣпилъ морозъ. Небо было ясно, и зимнее солнце роняло на снѣгъ легкія темноватыя пятна.

Михаилъ Панкратьевичъ сначала побродилъ около дома, а потомъ рѣшилъ заглянуть въ управу.

Кто жъ ему можетъ помѣшать? раздумывалъ онъ.—Зайду, посмотрю, обогрѣюсь.

Раздѣвшись внизу, Катуновъ поднялся во второй этажъ и въ коридорѣ встрѣтился съ Карпушинымъ.

— А, Михаилъ Панкратьевичъ! Здравствуйте. Какъ живете?

— Да ничего. Катуновъ благодушно улыбался.—А у васъ какъ? Вотъ, думалъ, посмотрю, что они тамъ дѣлаютъ. Спроси...
— Работаемъ; однако, простите.

Карпушинъ зашагалъ дальше, а Катуновъ такъ и не спросилъ, что хотѣлъ.

Затѣмъ онъ отправился въ бывшій свой кабинетъ. Усатый Федорковъ сидѣлъ, склонившись надъ бумагами. Дымилъ папироской.

— Ну какъ дѣла, коллега? весело

спросилъ Михаилъ Панкратьевичъ.—Наладились?

— Здравствуйте, довольно сухо сказалъ Федорковъ.—Садитесь. И снова склонилъ голову.

— Протокольчикъ составляете?

— Что?

— Составляете отчетъ?

— А, да, отчетъ.

— Позвольте полюбопытствовать.

— Простите, ужъ лучше послѣ. Голова торопитъ.

— Хорошо, хорошо. А скоро у васъ засѣданіе?

— Что?

— Засѣданіе думы скоро?

— Право, не знаю. И снова заскрипѣлъ перомъ Федорковъ.

Михаилъ Панкратьевичъ помялся на мѣстѣ, поглядѣлъ на Федоркова, на бумаги и направилъ ся къ дверямъ.

— Не буду вамъ мѣшать.

— Всего хорошаго, буркнулъ Федорковъ, не поднявъ головы.

Выйдя на улицу, Катуновъ вдругъ почувствовалъ огрую тоску, сердце ныло, на глаза навертывались слезы, и казалось, что сейчасъ его такъ обидѣли, какъ никогда. Онъ взялъ извозчика и отправился домой.

Вечеромъ, сидя за чайнымъ столомъ, Катуновъ слушалъ разсказъ жены о томъ, какъ она была у знакомыхъ, и какъ тамъ хорошо о немъ отзывались. Слушалъ вяло и думалъ о чёмъ-то своемъ, неясномъ и беспокойномъ. Потомъ Агафья Петровна перешла къ хозяйству и перечислила рядъ вещей, которая нужно купить. Такія закупки производились въ концѣ каждого мѣсяца. Теперь онѣ немного осложнились, ибо Агафья Петровна прямо стала баловать мужа по части стола.

— Надо бы записать, сказала.

— Я запишу, поднялся Михаилъ Панкратьевичъ и отправился къ себѣ въ кабинетъ.

Агафья Петровна осталась въ столовой и прикидывала въ умѣ цифры.

— Про окорокъ не забудь, крикнула она.—По фунтику покупать на-
кладно выходитъ.

— Хорошо, конечно, донесся изъ кабинета голосъ Катунова. Прошло
съ четверть часа. Агафья Петровна
начала перемывать посуду.

— Кончилъ? спросила она.

Изъ кабинета ей не отвѣтили. Ст-
руха повторила вопросъ—и снова безъ
отвѣта. Это неожиданно испугало ее,
и съ мокрыми руками она бросилась
въ кабинетъ.

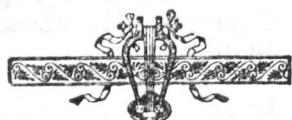
Михаиль Панкратьевичъ сидѣлъ въ
креслѣ, откинувшись на его спинку.
Его правая рука была крѣпко прижа-
та къ сердцу, лѣвая сжимала ручку
стула. Одинъ глазъ Михаила Панкра-
тьевича совсѣмъ закрылся, а другой,
мутный, страшно большой, смотрѣлъ
прямо предъ собой, и на немъ свѣтил-
ся отблескъ электричества.

На бумагѣ, лежавшей на столѣ,
было написано: „фунтъ чаю Перлова,
три головки зеленаго сыра, окор....“

Агафья Петровна съ дикимъ кри-
комъ упала у ногъ мужа и прижала
лицо къ его рукѣ.

Она еще была теплая.

Ал. Станкевичъ.

Въ Индії.

Только что закончившаяся перепись въ Индії дала результатъ въ 300 миллионовъ населения, самыхъ разнообразныхъ расъ. На лѣвой сторонѣ нашего рисунка обитатель провинции Кашмиръ, ростомъ въ 7 ф. 9 дюйм., т.-е. больше сажени. Самый крайній справа—обитатель пров. Патайя, ростомъ всего въ 2 ф. 4 дюйма. Какъ первому, такъ и послѣднему, 23 года отъ роду.

— Какъ бы я хотѣлъ на одинъ часъ
быть на мѣстѣ этой собачки.

— Ну, не желайте этого. На слѣдую-
щей станціи ей подрѣжутъ уши.

(„Fleg. Bl.“).

— Сегодня тебѣ масса поручений.
Чтобы ты ихъ не перезабылъ, я сама
все тебѣ записала: захватить чаю и ко-
фе, принести книги изъ библиотеки, за-
платить за абонементъ въ театрѣ, при-
гласить прачку...

— Но въ промежуткахъ вѣдѣ по-
ставлено твоё имя? что это значить?

— (Она стыдливо). Это чтобы ты
по временамъ вспоминалъ и обо мнѣ.
(„Fleg. Blat“).

Горничная (уронивъ бюстъ Бетхо-
вена). Благополучно. Отбито только
ухо.

Хозяйка (гнѣвно). Только? Дура.
У музыканта ухо это главное.
(„Fleg. Bl.“).

СМѢСЬ.

Изъ жизни литературной богемы.

Недавно исполнилось пятидесятилетіе
со дня смерти Мюрже, знаменитаго ав-
тора „Сцены изъ жизни богемы“. Фран-
цузская печать почтила память писате-
ля весьма прочувствованными поминаль-
ными статьями и освѣжила въ памяти
своихъ читателей великое множество ве-
сельыхъ анекдотовъ изъ своеобразнаго
быта беспечальныхъ представителей ли-
тературной богемы средины прошлаго
столѣтія.

Мюрже задолжалъ своему портному
около 200 франковъ. Жиль онъ очень
высоко. Привычки платить долги за нимъ
не водились.

Однажды портной пришелъ къ Мюрже
съ обычнымъ пожеланіемъ доброго утра
и, получивъ стереотипный отвѣтъ, обрат-
ился со слѣдующими словами къ сво-
ему должнику:

— Я каждый день взбираюсь къ вамъ
на шестой этажъ. Если бы изъ просто-
го чувства человѣколюбія вы платили
мнѣ каждый разъ по пяти сантимовъ,
должскъ давнымъ давно пошелъ бы на
смарку, и я бы сейчасъ былъ вамъ дол-
женъ 1,800 франковъ.

— Ариѳметика—чудесная наука. Но
счастливъ вашъ Богъ, что я вамъ не
давалъ каждый разъ по пяти сантимовъ,
а то, въ виду крайне стѣсненныхъ ма-
теріальныхъ обстоятельствъ, былъ бы
вынужденъ пустить въ публичную про-
дажу ваше имущество.

* *

Я понялъ, отчего мнѣ страшно
потерять
Твоей любви послѣдняя мгновенія:
Пройдутъ они—я не проснусь опять
Для новыхъ грезъ, для новаго
волненія.

И въ осени моей мнѣ дорогъ каждый
лучъ,
Привѣтной ласкою разсѣявшій тоску;
Такъ солнца свѣтлый взглядъ,
прорвавшись изъ-за тучъ,

Даруетъ жизни мигъ осеннему
цвѣтку.

E. H.

